

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук Розенблюма Евгения Михайловича
на тему: «Становление и развитие христианской
мартирологической традиции во II-IV вв.»
по специальности 5.6.2. Всеобщая история

Представленное к защите исследование Евгения Михайловича Розенблюма посвящено выявлению образа мученика и моделей социального поведения, закрепляемых мартирологической традицией II – IV вв.

Актуальность избранной темы не подлежит сомнению, поскольку вместе со становлением христианства формируется и та модель социально-одобряемого поведения, которая во многом будет определять ориентиры и ценности христиан в последующие века. Автор совершенно справедливо отмечает (с.4-5), что «на начальном этапе христианскими святыми становились почти исключительно мученики», и именно мученики воспринимались в качестве «героев, с которыми группа почитателей желает себя идентифицировать» (с. 6). При этом, если феномен святости в разных его аспектах и проявлениях очень активно изучается в последние 20-30 лет и с точки зрения меняющейся на пороге средневековья картины мира, и с точки зрения социальных практик раннего средневековья, то феномен мученичества изучен значительно меньше. Исследование подобных ментальных и социальных трансформаций в переходные эпохи сейчас особенно важно и востребовано.

Во-вторых, сам период поздней античности – период чрезвычайно сложный и многогранный, по выражению автора «конституирующий» для истории христианской культуры, период формирования той матрицы, на которой будет построена вся система мировосприятия средневекового человека. Поэтому **актуальность** предлагаемого исследования не вызывает сомнений.

Автор вполне осознает глубину, важность и значимость решаемой им проблемы, прямо говорит о тех трансформациях в обществе, которые происходят в период II – IV веков и подготавливают религиозный поворот IV века, но актуальность избранной им проблематики почему-то не показывает. Вместо обоснования актуальности исследования автор пишет: «Актуальность диссертации обусловлена тем, что, несмотря на большое число исследований раннехристианского мученичества в зарубежной, а в последние десятилетия – и в отечественной историографии, а также на общий интерес ученых к проблемам позднеантичной и раннесредневековой культуры, до сих пор, насколько нам известно, не существует ни одного исследования, посвященного образу христианского мученика в мартирологической традиции II-IV веков, рассмотренному в качестве цельного явления, но с учетом его диахронического развития» (С. 6-7). Однако неисследованность проблемы показывает ее новизну, а не актуальность. А вот почему нужно эту тему исследовать и исследовать именно сейчас, автор ни словом не оговаривается.

Автор ставит перед собой **цель** исследовать развитие и содержание складывающейся во II-IV вв. н.э. мартирологической традиции с точки зрения социально-этического идеала (с.7). Как показано в работе, это поле остается очень слабо изученным. Поэтому представленное исследование во многом восполняет пробел в наших представлениях о формировании христианской этики и культуры в целом.

Е.М. Розенблум рассматривает формирование и развитие модели мученичества на примере нескольких произведений и специально оговаривается: «В этом исследовании мы ограничимся безымянными авторами специфически раннехристианского жанра «Акт мучеников» и двумя важнейшими для складывания изучаемой традиции фигурами – «отцом церковной историографии» Евсевием Кесарийским и первым крупным христианским поэтом Аврелием Пруденцием Климентом» (с. 8).

При этом, чем обусловлен выбор источников, из введения и даже I главы остается непонятным. География возникновения указанных текстов, язык, жанры – все очень разное. В этой связи остается вопрос: что понимается автором под мартирологической традицией и как решается вопрос о ее целостности (с.7)? На с. 9 указано, что избранные произведения составляют только часть мартирологической традиции. Но насколько она репрезентативна? Можно ли по ней делать выводы о развитии всей мартирологической традиции? Какая часть мартирологической традиции остается вне исследовательского поля автора и почему?

Географические рамки работы включают в себя всю территорию Римской империи периода ее расцвета (с. 10). Однако автор не показывает, была ли мартирологическая традиция, о которой он говорит, единой и обладала общими чертами во всем ареале распространения христианской культуры или же можно выделить отличия, например сирийской мартирологической традиции от североафриканской или палестинской и т.д. Вопрос о региональных особенностях мартирологической традиции в работе не затрагивается.

Научная новизна исследования и основные научные результаты, полученные соискателем, рассматриваются вместе (с. 10) и настолько слитно, что новизна исследования оказывается не столь уж очевидной.

При этом **новизна и значимость** представленного исследования определяются несколькими факторами. Автор выстраивает некую модель мученичества, значимую для ранней латинской агиографии. Можно отметить определенную новизну в постановке задач и определении ракурса исследования, а также в использовании современных подходов и исследовательских практик. Источниковая база, на которой строится исследование, также заслуживает внимания, поскольку и «Акты мучеников», и сочинение Пруденция не так часто становятся объектом специального исторического исследования, особенно в качестве единого источникового комплекса. Соответственно и выводы, к которым приходит автор, являются

вполне новыми и оригинальными и вносят свой вклад в изучение модели святости (мученичества) в ранней мартирологической традиции. Можно отметить и приложения, в которых даются собственные авторские переводы двух произведений, принадлежащих к мартирологической традиции («Страсти св. Ириней, епископа Сирмийского» и « Страсти св. Криспины»). Хотя автору стоило бы сказать, чем обусловлен выбор именно этих двух сочинений для перевода. Из работы это остается непонятным, поскольку в тексте диссертации им отводится очень мало места. На второй текст автор ссылается в тексте работы только 1 раз, а первый источник вообще никак не анализируется в тексте диссертации

Диссертация имеет четкую, хорошо продуманную *структуру*, позволяющую осветить обширный круг проблем и последовательно решить сформулированные задачи. Основная часть работы состоит из пяти больших глав, разделенных на параграфы, введения и заключения, списка источников и литературы и приложений.

В *первой главе* дается обзор источников и историографии по теме исследования. Целесообразность выделения этой главы сомнений не вызывает, хотя, возможно, не стоило рассматривать всю языческую традицию, начиная с VII века до н.э. (с. 29) и давать самые общие сведения о Фалесе Милетском, Сократе, Платоне, Ксенофоне и других мыслителях древности (С. 30-37). Недоумение вызывает то, что параграф об источниковой базе исследования не заканчивается никакими выводами. Почему автор счел необходимым рассказать об этом, остается только догадываться. Многие вопросы источниковедческого характера, которые было бы уместно здесь рассмотреть, автор почему-то опускает, хотя очень полную добротную информацию по этой теме можно найти в его же статье¹ о новых изданиях «Актв мучеников».

---

¹ Розенблюм Е.М. Новые издания «Актв мучеников»// История. Том 10. Вып.2 (76). 2018

Параграф 2. (С. 37-47) по сути дела представляет библиографию, а не историографию проблемы. Вопрос о степени изученности проблемы так и остается не раскрытым. Не понятно, почему автор начинает сразу с историографии XIX века и с методологического арсенала позитивистов и отбрасывает многовековую историю изучения мученичеств.

На с. 45 диссертации ограничивается одной фразой о том, что «В современной отечественной историографии раннехристианское мученичество стало предметом исследований А. Д. Пантелеева, Е. В. Сергеевой, А. В. Каргальцева, А. Н. Крюковой, А. Б. Софян и некоторых других ученых». С каких позиций указанные авторы исследуют раннехристианское мученичество? Каких подходов придерживаются? К каким выводам приходят? Согласен ли автор данного диссертационного исследования с ними или нет? Как он видит место своей работы в историографической традиции в целом. Все эти вопросы остаются, к сожалению, без ответа.

Вторая глава «Представления об идеальном поведении в языческой литературе» предполагает рассмотрение отношения к жизни, смерти и самопожертвованию в античной культуре, представлений о помощи в достижении добродетели, отношения к самоубийству, мщению и справедливой войне, обязанностях перед отечеством и семьей на очень широком теоретическом материале от Сократа до Марка Аврелия. Данная глава вызывает целую серию вопросов. Например, насколько оправданно выводить раннехристианскую латинскую мартирологическую традицию, например, из взглядов Сократа? Почему потребовалось проводить собственный анализ античной языческой традиции на предмет социально-нравственных норм и этических учений, не учитывая работы Васильевой Т.В., Гусейнова А.А., Чанышева А.Н., Трубецкого С.Н., Майорова Г.Г., Ю. Аннас, Т. Ирвина, Дж. Купера, Ф. Митсиса и др. авторов?

Пожалуй, самой сильной является **третья глава** *«Акты мучеников»: формирование идеала мученика в период гонений»*. Глава производит очень хорошее впечатление: подобран очень интересный материал, глава хорошо написана, автор демонстрирует глубокое знание источникового материала, убедительно аргументирует собственные мысли и выводы. Безусловным плюсом главы является собственная интерпретация оригинального текста (например, на с. 119 и далее).

При этом не всегда понятно, о каких именно текстах идет речь, когда автор рассуждает о «ранних мученичествах» (с. 119) или «солдатских мученичествах» (с. 121) и т.д. На наш взгляд, было бы полезно в первой главе в источниковедческом разделе, дать классификацию мученичеств с небольшой характеристикой каждого типа.

Очень интересный аспект темы, на наш взгляд, который автором совершенно не затрагивается, это гендерный фактор: влиял ли каким-либо образом на формирование образа мученика или нет?

Можно ли выделить какие-либо региональные особенности в формировании ранней мартирологической традиции? Выделяется ли, например, Сев. Африка отношением к мученичеству? Как относились к мученичеству, например, в Сирии или Армении? Можно ли говорить о существовании некоего единого идеала мученика, одинаково характерного для всех регионов Римской империи?

Глава 4 *«Евсевий и формирование «первой авторской концепции идеала мученика»* написана вполне добротной, интересно. Выводы автора обоснованны и не вызывают принципиальных возражений.

Похвально, что автор старается показать динамику в формировании образа мученика, но здесь возникает вопрос: можно ли считать «Акты мучеников» и сочинение Евсевия последовательными этапами в развитии мартирологической традиции, если многие акты создаются в тот же период, что и «Церковная история» Евсевия Кесарийского?

Завершает исследование **пятая глава** «*О венцах*» Пруденция: *итоги развития идеала мученика на рубеже античности и средних веков*». Глава интересна уже потому, что сочинения Пруденция не так часто становятся объектом научного исследования историков. Е.М. Розенблум очень хорошо вписывает этого христианского поэта в развитие мартирологической традиции.

Подводя итог, автор справедливо резюмирует: «Хотя они различаются полом, возрастом, социальным положением, среди них есть клирики и миряне, им всем совершенно чужды боль, страх, любовь к родным или что-либо еще, что они могли бы преодолеть ради любви ко Христу» (с. 181). Но вот классификация мучеников по полу, возрасту, социальному положению также была бы интересна в контексте данного исследования.

В целом, к **сильным сторонам** представленного диссертационного исследования, безусловно, относится анализ значительного источникового комплекса, включающего в себя 130 письменных источников, значительная часть из которых – на языке оригинала. Особую значимость придает работе довольно слабая изученность анализируемых диссертантом текстов и очень тщательный авторский анализ источников. То, что автором не только переведены, но и изданы тексты двух источников² само по себе предполагает очень серьезную и кропотливую работу с текстом.

Стоит отметить очень качественный и добротный подбор исследовательской литературы и ее анализ. Историография исследования включает более 300 работ, как на русском, так и иностранных языках, в том числе самые современные исследования. В итоге автор вполне убедительно показывает, что при всем обилии научных работ, посвященных отдельным

---

² Страсти св. Иринейя, епископа Сирмийского / Пер. с лат., вступ. ст. и комм. Е. М. Розенблума // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 84. С. 121-131. Страсти св. Криспины / Пер. с лат., вступ. ст. и комм. Е. М. Розенблума // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 77. С. 113-121.

сюжетам, так или иначе связанным с развитием христианской мартирологической традиции во II-IV веках, формирование в этой традиции образа мученика как некоего идеала практически не изучено.

Обращает на себя внимание методологический раздел данного диссертационного исследования, показывающий взвешенный подход автора к выбору методологии. Автор не только называет методы и подходы, на которые ориентируется в своем исследовании, но и убедительно показывает область их применения и целесообразность их использования.

В целом, выводы, представленные в диссертации, достаточно хорошо аргументированы, вполне убедительны и не вызывают возражений. Основные положения и выводы диссертации прошли серьезную апробацию в докладах и выступлениях автора на научных конференциях различного уровня, а также в 13 научных публикациях, 5 из которых – в рецензируемых научных изданиях высокого уровня.

Между тем, к тексту диссертации могут быть высказаны определенные **замечания, вопросы** и суждения критического характера:

1. В работе, на наш взгляд, стоило бы уделить больше внимания проблеме соотношения самого феномена мученичества и его описания в мартирологической традиции.

2. Возможно, стоило бы показать, как отражены в мартирологической традиции мученичества маркионитов и других еретиков.

3. Автор старательно сравнивает отношение к властям в христианской мартирологической традиции и в античной философской мысли, однако остается совершенно непонятным, как быть с апологетической традицией?

4. Очень ценным и важным в работе является раздел, связанный с формированием отношения мучеников к смерти и рассматривающий разные аспекты этой проблемы. Однако многие вопросы здесь так и остаются без

ответа. Например, можно ли ставить знак равенства между мученичеством и самоубийством? Если да, то стоило бы рассмотреть суицид не только в теоретической мысли античности, но и в практической жизни Древнего Рима, (см. работы Деминой С.В., Щеховцовой Е.Е. и др.). Стоило бы рассмотреть и влияние на распространение мученичества прославления различных форм благородной смерти в предшествующей римской традиции (Barton A. *Savage Miracles: The Redemption of Lost Honor in Roman Society and the Sacrament of the Gladiator and the Martyr // Representations*. N 45. 1994. P. 41–71; Bowersock G. W. *Martyrdom and Rome*. Cambridge, 1995. Васильев Андрей Владимирович Римский обряд *devotio* и раннехристианское мученичество: опыт сравнительного исследования // РЦО. 2015. №4.)

В то же время, на с. 148-149 автор пишет: «Евсевий упоминает также и других христиан, которые кончали с собой во время Великого гонения: «Некоторые, *избегая испытания* [курсив мой – Е. Р.] и не дожидаясь, пока их схватят враги, бросались вниз с высоты дома: в сравнении с жестокостью безбожников такая смерть казалась счастливым жребием». Можно ли это считать мученической кончиной? Одобряет ли церковь такое поведение? Где здесь стойкость за веру? и т.д.

5. Третья глава исследования построена на сравнении отношения мучеников к окружающей действительности с философскими учениями древности. Но насколько оправданы и целесообразны такие сравнения? Кто были эти мученики по социальной принадлежности? Склонны ли они были к философствованию? Насколько им могут быть близки в принципе подобные философствования?

6. Наконец, тема «Становление и развитие христианской мартирологической традиции во II-IV вв.» предполагает изучение не только идеала мученика, формирование образца и его эволюцию, но и формирование, возможно, особого жанра, той специфической формы описания и конструирования этого образца, которая наилучшим образом соответствовала поставленным целям. Возможно, в работе стоило бы

остановиться и на сравнении жанров тех произведений, которые автор привлекает в качестве основных источников.

В целом, работа производит очень хорошее впечатление, написана прекрасным слогом, грамотным научным языком. Положения, выносимые на защиту, полностью обоснованы; достоверность и новизна научных выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, не вызывает сомнений. Работа соответствует специальности 5.6.2. Всеобщая история, а именно следующим ее направлениям: история Древнего мира, история Средних веков, история религии и церкви.

Указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.6.2. Всеобщая история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, и оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Евгений Михайлович Розенблюм заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук,
профессор кафедры истории
древнего мира и средних веков
ФГБОУ ВО «Национальный
исследовательский Нижегородский

государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
Ващева Ирина Юрьевна

9. 11. 2023

Контактные данные:

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:
специальность 07.00.03 Всеобщая история

Адрес места работы:
603005 Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2
Институт международных отношений и мировой истории Университета
Лобачевского
Телефон: (831) 462-32-41; e-mail: imomi@imomi.unn.ru

Подпись сотрудника Института
международных отношений
и мировой истории Университета
им. Н.И. Лобачевского Ващевой И.Ю. удс